

Я опустил стекло и, увидев, что они снова хотят поцеловаться, вовремя заговорил:

— Мисс Фанни, не знаю, удостоюсь ли я чести пригласить вас на ужин?

Оба обернулись на звук. Этот мужчина, хоть и в костюме, выдал совершенно невоспитанную фразу:

— Кто ты такой, тупой мудака?

Я повернул голову и спокойно посмотрел на него.

Он, похоже, был напуган моим видом, взгляд дрогнул, и он отступил на шаг.

Английские мужчины ценят джентльменство, и я, выросший в такой среде, естественно, перенял это. Я не собирался с ним спорить, просто повернулся к Фанни с вопросительным взглядом.

Она смотрела на меня какое-то время, затем оттолкнула того мужчину и села в машину. Я немного подвинулся, освобождая ей место.

Фанни не стеснялась: в зеркале заднего вида я видел, что с момента посадки она не отрывала от меня взгляда.

— Мисс Фанни, я знаю, что я хорош собой, но вы так пристально смотрите, что мне становится немного неловко, — я улыбнулся.

Раньше она всегда делала всё с особой серьёзностью. Сейчас не изменилось ни чего: в зеркале она смотрела на меня очень внимательно, а теперь, задумавшись, выглядела так же сосредоточенно:

— Мы знакомы?

Я посмотрел на неё. Когда мы познакомились, она была всего лишь девочкой, умевшей подводить глаза, красить ресницы и наносить блеск для губ. Теперь же она научилась наносить густые тени, красить ногти чёрным лаком и целоваться с мужчинами на улице — став взрослой женщиной.

Только черты лица остались прежними.

Мой взгляд скользил по её лицу очень внимательно, от бровей и носа до губ и подбородка.

Фанни, глядя на меня, внезапно подалась вперёд, схватила меня за голову и прижалась губами.

Я вздрогнул, лицо мгновенно стало холодным. Я оттолкнул её.

За эти двадцать лет, что меня не было, эта девушка, которую я считал родной сестрой, превратилась в совершенно незнакомого мне человека.

— Что ты делаешь? — холодно спросил я, протянув руку.

Я взял салфетку у водителя и без выражения вытер губы.

Фанни совершенно не обратила внимания на боль в запястье. Она вернулась на своё место, пригладила волосы, достала маленькое зеркальце, подправила макияж губ, убрала вещи и

улыбнулась мне. В уголках её глаз и бровей читалась лёгкая насмешка, которой я раньше никогда не видел. Очевидно, она в этом отлично разбиралась:

— Оказывается, ты любишь играть в кошки-мышки. Хорошо, я поняла. Может, повторим? На этот раз обещаю, ты будешь доволен!

Услышав это, я почувствовал, как подёргался виск.

Увидев, что она снова собирается наброситься, я выставил руку, отодвинулся в сторону и, морщась от головной боли, сказал:

— Не надо. Мне всего четырнадцать лет, что я могу с тобой сделать? Я просто хотел с кем-то поговорить.

Она надула губы:

— Я не разговариваю с клиентами.

Пауза. Она села обратно и посмотрела на меня:

— Или ты можешь предложить хорошую цену. Судя по машине, ты, должно быть, богатый сын папочки.

У меня тяжело опустилось сердце.

— ...Сколько ты хочешь? — после паузы спросил я, глядя в окно.

Она ничего не сказала, просто показала число пальцами.

Я посмотрел в зеркало заднего вида и подал знак охраннику впереди, чтобы тот дал ей пачку денег.

— Так много! — её голос был полон восторга, она даже подпрыгнула на сиденье, а интонация стала почти визгливой от возбуждения.

Вскоре машина остановилась, и я вышел.

Будь я прежним, я бы обошёл машину с другой стороны, открыл бы ей дверь, прикрыв рукой крышу, чтобы она не ударилась головой.

Но я просто вышел и стал в стороне, ожидая, пока она выйдет.

— Совсем нет джентльменских манер.

Я не стал комментировать её слова и вошёл в ресторан.

Это был мой любимый стейк-хаус.

Я бросил взгляд на Фанни позади себя: она с любопытством озиралась по сторонам.

Она совершенно забыла, что раньше я каждый день рождения приглашал её сюда поесть стейк.

Помнил только я.

Что ж, я усмехнулся про себя. Люди забывают так быстро. Человек, исчезнувший двадцать лет назад ни с того ни с сего, не стоит того, чтобы его помнили. В конце концов, виноват я сам, что ушёл, не попрощавшись...

Я заказал тот же сет, что и раньше.

Повар принёс еду очень быстро. Я взял нож и вилку, и первым делом убрал брокколи с тарелки.

Фанни, видя мои действия, посмотрела на свой стейк и вдруг нахмурилась:

— Ты...

Я посмотрел на неё.

Может, она всё-таки что-то помнит. Раньше я тоже всегда заказывал этот сет: стейк слабой прожарки с картошкой фри, луковыми кольцами и супом из морепродуктов, а на десерт — её любимое двойное мороженое: клубника и виноград в роме.

— Тебе нравится? — спросил я первым, видя её замешательство.

Она пристально смотрела на отложенные в сторону брокколи, поколебалась, потом тихо сказала:

— У меня был друг, который тоже не любил брокколи.

— О? Почему? Расскажи. Ты же пообещала поболтать со мной.

— Ему тоже нравился этот сет, — нахмурилась она.

— Какое совпадение.

— ...Думаю, да, — она продолжала хмуриться, на автомате закидывая в рот несколько картофелин фри и задумчиво глядя в одну точку.

— Какой был твой друг?

Услышав это, в её глазах на мгновение промелькнула ненависть.

Я был уверен, что не делал ничего, что могло бы её обидеть. Я относился к ней с заботой и любовью. Откуда же эта ненависть в её взгляде?

— Кто ты? — она посмотрела на меня с опаской.

Я пожал плечами, стараясь выглядеть максимально невинно и безобидно:

— Просто четырнадцатилетний сын богача, который поссорился с отцом и сбежал из дома. Думал, ты знаешь.

— Правда?

— А зачем мне тебя обманывать?

Она смотрела на меня долго, но, не заметив в моих глазах ни вины, ни лжи, немного

расслабилась, отрезала кусочек стейка и погрузилась в раздумья.

Я молча ел, терпеливо ожидая. Двадцать лет назад, когда я уходил, мне было девятнадцать, а ей — шестнадцать. В её лице была лишь юность и энергия. Спустя двадцать лет на лбу появились морщины, энергия исчезла, уступив место безжизненности. В раздумьях она уже не делала тех милых привычных движений, девичья застенчивость сменилась налётом развращенности, а кожа, когда-то нежная, стала грубой.

Теперь ей было тридцать шесть, и она постепенно старела.

Тот мужчина, с которым она целовалась у входа, был её мужем?

Лицо Фанни медленно исказила явная насмешка, затем — что-то вроде ностальгии и тонкая, едва уловимая ненависть. Она прожевала пищу и медленно проговорила:

— Он ушёл много лет назад.

Я слушал молча.

— Ты видел, как я целовалась у входа?

Я кивнул.

— Это был не мой парень, а мой клиент.

Хотя в машине я уже догадывалась об этом, услышанное из её уст всё равно ошарашило.

— Моя мать заставила меня принимать клиентов с двенадцати лет.

Моя рука дёрнулась, нож скрежетнул по тарелке, издавая резкий звук.

— Невероятно, да? Когда мне было шестнадцать, она велела мне соблазнить одного человека, — она пожала плечами, с безразличным выражением лица посмотрела на меня и сделала глоток вина. Пальцы с чёрным лаком мягко скользили по краю бокала, размазывая красную помаду, добавляя нотку похабности. Она погрузилась в воспоминания, взгляд потух:

— Этот человек был слишком доверчивым. Чему бы я ни сказала — он верил. Я притворялась невинной, и он верил, даже говорил, что во мне есть нечто от восточной красоты.

Бокал с вином выскользнул из рук, ножка ударилась о край стола, и несколько капель вина пролились на мой рукав.

Я невозмутимо взял салфетку и прижал к рукаву. Красная жидкость мгновенно пропитала белую бумагу.

<http://bllate.org/book/16596/1516591>